

Дмитрий Мухин

«Послать добрым словом на родину» (заметки о крестьянских паспортах в конце XIX — начале XX в.)

Альберт Кашфуллович в своих работах описывает особенности функционирования паспортной системы, в том числе досоветского периода. Паспорт никогда не был просто удостоверением личности, он являлся одним из основных инструментов утверждения социальной структуры населения. Паспорт не способствовал мобильности населения, а ограничивал ее, закреплял человека за местом проживания [Байбурин 2017: 52–53].

Задача заметок — проследить эти особенности на примерах личных историй и этнографических описаний Вологодской губернии рубежа XIX–XX вв., продемонстрировать, как работала система выдачи (или невыдачи) паспортов крестьянам.

По закону паспорт не требовался, если человек находился в месте своего проживания. Для крестьян это сельское поселение, от которого можно было находиться на расстоянии 30 верст (после 1894 г. — 50 верст) и не более полугода. На практике, даже если эти условия выполнялись, это не значило, что человека не обяжут вернуться домой или получить паспорт. Например, в Устюгском уезде¹ даже местным крестьянам наняться

Дмитрий Александрович Мухин
Архитектурно-этнографический
музей Вологодской области
(музей «Семенково»),
Вологда, Россия
mixin@mail.ru

¹ На рубеже XIX–XX вв. в документах и официальных изданиях чаще встречается написание «Устюгский уезд», реже появляются варианты «Устюжский» или «Велико-Устюжский»; названия города «Устьсыольск» и уезда — «Устьсыольский» чаще пишутся в одно слово, без дефиса [Адрес-календарь 1886: 64, 80].

на работу в усадьбу можно было только по паспорту [Русские крестьяне 2008: 515].

На родине человек идентифицировался своим окружением. Уже в этом заключался некоторый парадокс: Лев Яковлевич Лурье пишет, что в конце XIX — начале XX в. даже Петербург был городом крестьянским, более половины его населения составляли именно крестьяне. Например, из деревень Грязовецкого уезда Вологодской губернии подростки в возрасте 12–15 лет отправлялись работать в петербургских трактирах, и многие оставались на длительный срок. Кроме того, «все увеличивавшуюся часть крестьянского населения Петербурга составляли крестьяне, родившиеся в столице, но приписанные к родным деревням» [Лурье 2020: 8, 101, 169]. При этом идентифицировать человека, дать ему право на проживание в Петербурге должно было волостное правление, члены которого могли никогда с ним не пересекаться.

Как происходил процесс замены закончившегося паспорта? Обратимся к делу по прошению крестьянина Игушева из Богородской волости Устьсысольского уезда: «От крестьянина Семена Игушева был получен денежный пакет на 1 рубль, адресованный на имя волостного правления, с заявлением о выдаче нового паспорта, при чем был приложен и старый паспорт, оказавшийся без оплаты подлежащей маркою на отсрочку, почему старый паспорт вместе с заявлением Семена Игушева волостным правлением препровожден в Соликамское уездное полицейское управление для взыскания с Семена Игушева денег 50 коп.» [НАРК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 477. Л. 104об.–105]. Никакой процедуры идентификации не проводилось. Определить, кто отправил письмо, правление не могло. В результате паспорт скорее подтверждал, что все необходимые пошлины уплачены, а крестьянин с таким именем действительно числится в обществе и отсутствует в данный момент.

Вплоть до начала XX в. в деревне продолжала существовать круговая порука. В этих условиях уход работника из деревни — это риск, причем не только для семьи, терявшей работника, но и для всего сельского общества, отвечавшего за исправную уплату податей. Поэтому волостные правления распределяли ответственность и выдавали паспорта только на основании бумаг от нижестоящих инстанций. Корреспонденты Тенишевского бюро из различных уездов Вологодской губернии сообщали о необходимости получения крестьянами свидетельства или удостоверения от сельского старосты, а в некоторых случаях и оформления ряда других документов. Но в вопросе, о чем должно было сообщить свидетельство, авторы расходились. Корреспондент П.А. Дилакторский из Бережнослободской

волости Тотемского уезда отмечал: свидетельство в целом подтверждало, что «препятствий к отлучке данного не имеется со стороны сельского общества» [Русские крестьяне 2008: 86]. Другие корреспонденты приводили более детальный список проверяемых старостой вопросов.

Во-первых, согласно 44 статье Положения о видах на жительство, в случае наличия долгов по податям пятилетние паспортные книжки выдавались только с согласия общества [ПСЗ 1898: 354]. Соответственно, староста подтверждал, что долгов не имеется, разрешение схода не требуется. Во-вторых, необходимо было предоставить гарантии прокормления семьи, остающейся без работника. Корреспондент В.Н. Чапурский, собиравший материалы в нескольких волостях Вологодского уезда, отмечал: «Староста задерживает из-за неисправного платежа податей и плохой обеспеченности семьи увольняемого» [Русские крестьяне 2007а: 475]. Корреспондент А.А. Каменев, собиравший сведения в разных волостях Грязовецкого уезда, писал, что с увольняемого «берется подписка в том, что при заработке денег немедленно высылать на все вышесказанное» (т.е. на уплату податей и обеспечение семейства) [Русские крестьяне 2007б: 62]. Если семья по объективным причинам не могла себя прокормить, должны были включаться общинные механизмы ее поддержки, соответственно, расходы других семей вырастали. Поэтому староста должен был убедиться, что отъезд работника не нанесет ущерб обществу.

В-третьих, староста должен был удостовериться, что общинные пашенные и сенокосные земли не будут заброшены. Как отмечал корреспондент И.Г. Шадрин из Богословской волости Вологодского уезда, «землю [необходимо] сдать надежному человеку, чтобы не вышло из-за нее неудовольствия» [Русские крестьяне 2007а: 545]. В другом случае землю можно было оставить на распоряжение общества. Так в 1891 г. землю переехавшего в Вологду крестьянина Богородской волости Дмитрия Афиногенова Копылова передали по приговору схода Дорофею Давыдову Сняткову, избрав неотделенного сына последнего сельским старостой. Через три года старостой был избран другой сын Дорофея. Снятков попробовал обжаловать это решение, на что соседи заявили: «[Е]сли должность сельского старосты отбывать за Копылова не будет, то придется платить аренды по 30 руб. в год» [ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 565. Л. 1об.]. Земля отсутствующего превратилась в жалование сельского старосты, и поэтому общество деньги на него не собирало. В данном случае вопрос был решен так, что отсутствие крестьянина не сочли угрозой благополучию, поскольку оно снижало текущие расходы общества.

В-четвертых, нельзя было отпускать человека, находившегося под судом, причем, как отмечал корреспондент В. Покровский из Койгородской волости Устьсысольского уезда, «крестьянин не должен находиться под судом не только в качестве подсудимого, но и истца» [Русские крестьяне 2008: 445].

Как такового единого списка требований не сформировалось, поэтому в каждой волости существовало свое представление о том, кому можно выдать паспорт. Например, корреспондент А.А. Жуков из Калининской волости Тотемского уезда писал: «Виды на отлучку может получить каждый, даже недоимщик, за исключением находящихся под судом» [Русские крестьяне 2008: 118].

Но если крестьянин через сельского старосту убеждал волостное правление в том, что имеет право на паспортную книжку, это не означало, что он сможет ею пользоваться весь указанный срок. В законе 1894 г. фигурировало три основания, по которым книжка аннулировалась, и крестьянин обязан был вернуться на родину вне зависимости от своего желания. Статья 55 Положения о видах на жительство гласила: «Паспортные книжки могут быть отбираемы полицией от мещан, ремесленников и сельских обывателей, в случае оставления отлучившимися без всякого призрения членов семьи или воспитателей, нуждающихся в средствах к жизни и не могущих снискать себе пропитание своим трудом» [ПСЗ 1898: 355].

Как это работало, демонстрирует дело крестьянки Марфы Кирилловой Поповой из Устьсысольского уезда. В 1895 г. крестьянка Попова обращалась к верхотурскому уездному исправнику: «Сын мой родной Мефодий Иванов 30 лет после смерти его отца, Ивана Андреева, отлучился на заработки и проживает по сие время в Никита-Ивдельской волости Пермской губернии Верхотурского уезда, не обращая никакого внимания на мою старость и дряхлость лет, и не могу находить себе никакого пропитания, а также наживлять и на уплате повинностей и недоимки, оставшиеся после смерти отца его, но он же, не посылая на эти ни одной копейки; почему я и лишена продавать все имущество собственно о невысылке денег сыном моим Мефодием». Интересно, что в данном случае никаких подтверждающих документов, свидетельств от сельского старосты или волостного старшины, приговора схода и т.д. исправнику не потребовалось. Одного заявления матери было достаточно, чтобы юридические последствия наступили. Исправник потребовал: «Предписываю полицейскому уряднику 1 участка Пленину немедленно обязать крестьянина Попова подпиской выслать деньги домой, в случае упорства его немедленно выслать его ко мне для отправки этапом на родину» [НАРК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 477.

Л. 3–3об.]. Невысылка денег матери фактически приравнялась к уголовному преступлению, за которое следует жесткое наказание — не только аннулирование паспорта и, как следствие, права на жительство вне пределов родного уезда, но и экстрадиция на родину как преступника этапным порядком.

Интересно, что Положение о видах на жительство предполагало совсем другой порядок: решение должен был принять соответствующий сельский сход, приговор передавался земскому начальнику или чиновнику по крестьянским делам, а тот или утверждал приговор, или передавал в уездный съезд для отмены, и только чиновник или съезд должны были контактировать с полицией того города или уезда, где находился крестьянин, у которого отзывали паспортную книжку (ст. 56) [ПСЗ 1898: 355]. Но примеры личных прошений в обход этой процедуры существуют.

Крестьянин был, прежде всего, членом семьи и общины. Именно такое положение и закрепляло законодательство: «Неотделенным членам крестьянских семей, хотя бы и совершеннолетним, виды на жительство выдаются и возобновляются не иначе, как с согласия хозяина крестьянского двора» [ПСЗ 1898: 351]. Если такого согласия не было, необходимо было добиваться разрешения вышестоящих чиновников (ст. 19). Более того, согласно статье 55, «отобрание полициею паспортных книжек от сельских обывателей допускается также по требованию хозяина двора, к которому отлучившийся принадлежит» [Там же: 355]. Закон утверждал, что домохозяин при поддержке схода (а на практике и без таковой поддержки) в любой момент мог вернуть члена семьи на родину. Никакого списка причин или обоснований не существовало, желания было достаточно. Пример мотивации можно встретить в прошении домохозяина Харлампия Петрова Михайлова, который в 1906 г. обращался к Троице-Печерскому волостному старшине Устьсысольского уезда: «В вашей волости находится мой сын по имени Василий, а потому покорнейше прошу Вас, пожалуйста, потрудитесь послать его добрым словом на родину по просьбе родителей». Никакой особой аргументации или доказательства бедственного положения отец не привел: «На родине наживлять можно больше, чем в других местах, можно много пустить строевого леса, а теперь приближается весна, и желающих найдется сплавить сортовой лес. Дома у нас работников мало и трудно под старость родителям». Такого заявления, в котором даже не уточнялось, что значит «нам трудно» и есть ли другие работники, оказалось достаточно, чтобы начался поиск отсутствующего сына. От незамедлительного возвращения на родину Василия Михайлова спасло только то, что найти его в Троице-Печерской волости не удалось [НАРК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 462. Л. 59–60].

Еще одно основание для аннулирования паспортной книжки, содержавшееся в Положении о видах на жительство, — выборы. Статья 55 гласила: «Отобрание полициею паспортных книжек от сельских обывателей допускается также в случае избрания отлучившегося на одну из должностей, означенных в статье 112 Общего Положения о крестьянах» [ПСЗ 1898: 355]. И хотя статья 112 содержала список только наиболее важных позиций (волостного старшины и его помощника, волостного судьи, сельского старосты, сборщика податей), на практике под ее действие попадали и другие должности. Эта норма фактически действовала и в более ранний период, хотя в Положении о паспортах и беглых 1837 г. не фигурировала. В 1894 г. крестьянин Спасской волости Вологодского уезда Николай Соколов жаловался земскому начальнику: «Живя в сиротстве при матери вдове и не имея возможности <...> вести успешно крестьянское хозяйство, я с юных лет жил на чужой стороне, занимаясь на заводах слесарной или механическими работами, в последнее время, усовершенствовавшись в своем мастерстве, получал до 500 рублей в год жалованья, из которых уплачивал аккуратно следующие с меня за 3 3/8 надела подати и повинности, а также высылал своей родительнице деньги на обработку этих наделов и ее содержание <...>. В 1892 году я должен был оставить прибыльное занятие своим ремеслом и возвратиться из Москвы на родину, чтобы исправлять по выбору общества должность полицейского десятского, прожив дома для отбывания должности десятского 1893 год и потерпев от этого убытков до 300 руб., я в начале 1894 года намерен был опять отправиться в Москву на механический завод братьев “Бромлей” <...>, но к несчастью вновь оставлен обществом, которое выбрало меня на 1894 год должность Сотского». Земский начальник подтвердил законность выбора Николая на должность, но тот предложил вместо себя на собственные средства нанять другого крестьянина, после чего препятствий к отъезду не осталось [ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 920. Л. 1–6]. Отсутствовавший длительное время крестьянин оставался членом сельского общества, которое имело полное право распоряжаться его судьбой. Николай даже не знал о сходе, избравшем его десятским, но на последствия это не влияло, поскольку права самоотвода не существовало.

Выбор на должность отсутствовавшего на законных основаниях мог и не предполагать реального возвращения избранного, а фактически превращался в способ выплаты жалования другому лицу. Человек оказывался перед выбором: возвращайся или плати. В 1895 г. сельский староста Конюховского общества Вологодского уезда Александр Конев объяснял: «Какую должность я, Конев, правлю не сам, а нанял за себя благонадежного

человека с согласия всего общества вследствие того, что я человек неграмотный и обремененный семейством, сам проживаю на Ярославской Вологодской желе[зной] дороге, чем и пропитаваю свое семейство» [ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1231. Л. 3]. Аналогичная практика была описана в прошении крестьянина Спасо-Щекинского общества Трегубовской волости Устюжского уезда Ильи Дмитриева Черемисина: «У нас в деревне находятся такие жители, которые землю пользуют, а проживают в разных местностях, а что очередь дошла [служить полицейским десятским. — Д.М.], то нанимают нести эту должность другим лицам по найму, и это практиковалось уже наперед сего» [ВЦА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 466. Л. 194].

На практике крестьянин, избранный на должность, лишался права получения не только пятилетней паспортной книжки, но и кратковременного паспорта. Любая отлучка согласовывалась с вышестоящим начальством, а за выявленное неразрешенное отсутствие следовало наказание. Например, сельский староста Едемского общества Тотемского уезда Василий Едемский отправился в Вельский уезд продать хмель. За это он был арестован на три дня, поскольку начальством было признано, что даже такая кратковременная отлучка «неизвинительная без всяких объяснений» [ГАВО. Ф. 676. Оп. 1. Д. 20. Л. 2].

В результате появилась форма прошения должностного лица в отпуск. Документ обязательно должен был содержать информацию о бедственном положении избранного, необходимости заработка на стороне, а в некоторых случаях и скрытую угрозу, что без этого дополнительного заработка не будет возможности выплачивать все подати. Дополнительным аргументом становились уже заключенные контракты, невыполнение которых привело бы к значительному ухудшению и так шаткого материального положения. Пример такого документа — прошение Павла Брюхова из Страдной волости Устюжского уезда: «Избран я в должность сборщика податей, но так как я в летнее время имею отлучку с 15 марта по 15 октября, и к тому же поступил в контору Архангельского купца наследников Рынина на пароход “Казань” командиром, и получил из оной конторы расчетный лист, то в случае исправления мне сей должности сборщика в течение года, я должен лишиться места, через что хозяйство мое должно прийти в упадок и разорение» [ВЦА. Ф. 353. Оп. 1. Д. 38. Л. 75]. Голословного утверждения избранного о собственной бедности было недостаточно, ее нужно было доказывать. В 1894 г. устьесольский уездный исправник предписывал проверить необходимость отпуска для пожарных старост: «Поручить Приставу 2 стана удостовериться в материальном положении и средствах просителей, и если отлучка для заработка действительно вызвана необходимостью, то на это со стороны

Полиции препятствий не имеется» [НАРК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 438. Л. 10об.]. Для крестьян, регулярно уходивших на заработки, избрание на должность могло нарушить сложившийся жизненный порядок. Срок службы в разных должностях составлял от одного года до трех лет, поэтому изменение как образа жизни, так и материального положения могло оказаться значительным.

Крестьянская паспортная книжка рубежа XIX–XX вв. носила ярко выраженный сословный характер. Этот документ мог быть не выдан или отозван и обеспечивал жесткую привязку человека к его семье и сельскому обществу. Отправившегося на заработки или переехавшего на новое место владельца паспорта могли в любое время и порой без обоснования причин вернуть домой. Таким образом, даже получив паспорт, крестьянин всегда оставался членом своей семьи и сельского сообщества и лишь временно обретал дополнительные права и возможности.

Список сокращений

ВЦА — Великоустюгский центральный архив

ГАВО — Государственный архив Вологодской области

НАРК — Национальный архив Республики Коми

ПСЗ — Полное собрание законов Российской Империи

Архивные материалы

ВЦА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 466. О выборах полицейских десятских и сотских. 1900 г.

ВЦА. Ф. 353. Оп. 1. Д. 38. Наряд об избрании и назначении должностных лиц волостного и сельского управления и надзор за ними. 1901 г.

ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 565. По прошению крестьянина Богородской волости д. Пескова Дорофея Давыдова Сняtkова о неправильном выборе в должность сельского старосты сына его Ивана Дорофеева Сняtkова. 1894 г.

ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 920. По прошению крестьянина Спасской волости д. Пятина Николая Андрианова Соколова о неправильном выборе в должность сотского. 1894 г.

ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1231. По прошению запасного ефрейтора из крестьян Спасской волости д. Комарова Александра Иванова Конева о неправильном выборе его в должность сельского старосты (Конюховское общество). 1895 г.

ГАВО. Ф. 676. Оп. 1. Д. 20. О сельском старосте В. Едемском, обвиняемом в самовольной отлучке в Вельский уезд. 1891 г.

НАРК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 438. Переписка о выборе должностных лиц волостного и сельского управлений. 1894 г.

НАРК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 462. Переписка с Земской управой о земских собраниях. 1906 г.

НАРК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 477. Документы (постановления чиновника по крестьянским делам, прошения крестьян, переписка с уездными полицейскими управлениями, уездным исправником) о решении бытовых и имущественных споров. 1896 г.

Источники

Адрес-календарь Вологодской губернии на 1887 год. Вологда: Тип. губернского правления, 1886. 86 с.

Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. 14: 1894: От № 10233–11208 и Дополнения. СПб.: Гос. тип., 1898. 1497 с.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Мат-лы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007а. 623 с.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Мат-лы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007б. 839 с.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Мат-лы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 4: Тотемский, Устьсольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2008. 807 с.

Библиография

Байбурин А.К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с.

Лурье Л.Я. Соседский капитализм. Крестьянские землячества Петербурга конца XIX — начала XX века. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. 370 с.